

положность. И дѣйствительно: „съ тѣхъ поръ—говорить Толстой—какъ первый человекъ сказалъ и доказалъ, что извѣстныя географическія и политико—экономическія условія опредѣляютъ тотъ или другой образъ правленія, съ тѣхъ поръ уничтожились... тѣ основанія, на которыхъ строилась исторія“¹⁾.

Какъ примѣръ, Толстой приводитъ то положеніе, по которому „количество рожденій или преступленій подчиняется математическимъ законамъ“²⁾. Но вѣдь статистическій законъ историческаго процесса вовсе не означаетъ того, что каждый человекъ долженъ стремиться удовлетворить набору преступной повинности. Такой законъ вовсе не означаетъ того, что данное общество по законамъ исторіи обязано ежегодно поставлять столько-то преступниковъ. Рѣчь идетъ здѣсь лишь о томъ, что при опредѣленномъ общественномъ строѣ сознательные свободные поступки людей въ общественномъ масштабѣ превращаются независимо отъ нихъ въ социальныя ритмы, въ закономерности. Здѣсь область человѣческой свободы неизмѣнно и незамѣтно переходитъ въ общественную необходимость.

Обыденное пониманіе свободы, какъ абсолютнаго безудержа, а необходимости,—какъ связанности никогда не дастъ намъ возможности уяснить себѣ историческій процессъ. Такой взглядъ на свободу убиваетъ всякую возможность историческаго сотрудничества человѣчества. Если всякій индивидъ такъ же свободенъ—въ смыслѣ безудержа—какъ я, тогда мое дѣйствіе можетъ столкнуться съ непредвидѣннымъ противодействіемъ моего ближняго, которому въ каждую минуту можетъ вскочить въ голову любая шальная идея, которую онъ, какъ абсолютно-свободный, и бросится исполнять. Ни знать, ни тѣмъ менѣе предвидѣть въ этой области что-нибудь абсолютно невозможно: „знать (же) то,—говорить Толстой,—что можетъ быть и что не можетъ быть исполнено невозможно не только для наполеоновскаго похода на Россію, гдѣ принимаютъ участіе милліоны, но и для самаго несложнаго событія; ибо для исполненія того и другого всегда могутъ встрѣтиться милліоны препятствій“³⁾ Контовскій идеалъ исторіи — „savoir pour prévoir“ — превращается у Толстого въ милліонъ терзаній отъ тьмы непредвидимыхъ шальныхъ препятствій.

Моя личная свобода при наличности такой же свободы у другихъ членовъ общества превращается, такимъ образомъ, въ пу-

¹⁾ Ibid. T. IV стр. 417.

²⁾ Ibid. I, IV, стр. 417.

³⁾ „Война и Миръ“ I.